

ЛЮСИ МОД МОНТГОМЕРИ

ГОЛУБОЙ ЗАМОК

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.111-31(71)
ББК 84(7Кан)-44
М77

Серия «Эксклюзивная классика»

Перевод с английского *Аси Лавруши*

Серийное оформление *А. Фереца, Е. Фереца*

Дизайн обложки *В. Воронина*

Монтгомери, Люси Мод.

М77 Голубой замок / Люси Мод Монтгомери ; [перевод с английского А. Лавруши]. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 320 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-181706-0

До двадцати девяти лет жизнь Валенсии Стирлинг была бесцветной и унылой. Одинокая и по природе робкая девушка находилась под гнетом деспотичной матери и сносила бесконечные упреки заносчивых родственников, которые уже давно приписали ей статус старой девы. Единственным утешением для нее был Голубой замок — прекрасный мир фантазий, в котором она чувствует себя счастливой и свободной.

Но одно письмо от врача меняет все. Страшный диагноз звучит как... освобождение. Понимая, что терять ей больше нечего, Валенсия решает сбросить оковы чужих ожиданий и шокирует семью внезапным бунтом: собирает чемоданы и уходит в неизвестность. Вдали от удушающего родительского дома она встречает загадочного и нелюдиного Барни Снейта и внезапно обнаруживает, что ее заветный Голубой замок вполне может стать реальностью.

УДК 821.111-31(71)
ББК 84(7Кан)-44

ISBN 978-5-17-181706-0

© Перевод. Ася Лавруша, 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2026

1

Если бы тем майским утром не пошел дождь, жизнь Валенсии Стирлинг сложилась бы совсем по-другому. Она вместе с родней отправилась бы на пикник к тетушке Веллингтон, а доктор Трент уехал бы в Монреаль. Но утро выдалось дождливым, и сейчас вы узнаете, чем это обернулось для Валенсии.

Она проснулась рано, в серый безотрадный час, предшествующий рассвету. Спалось ей плохо. Как уснуть, если завтра тебе исполняется двадцать девять и ты не замужем, а все вокруг убеждены, что незамужняя — это просто-напросто неудачница, не сумевшая заполучить мужчину.

Весь Дирвуд и всё семейство Стирлингов уже давно воспринимали Валенсию как безнадежную старую деву. Однако сама она лелеяла некую робкую стыдливую надежду на романтическую встречу вплоть до этого сырого ужасного утра, когда, открыв глаза, она вдруг отчетливо осознала, что ей двадцать девять и она не нужна ни одному мужчине на свете.

Собственно, суть заключалась вот в чем. Сама по себе участь старой девы Валенсию не особо страшила. В конце концов, думала она, уж лучше навсегда остаться одной, чем выйти за кого-нибудь, похожего на дядюшку Веллингтона, дядюшку Бенджамина или даже дядюшку Герберта. Но Валенсии было горько оттого, что у нее уже нет шанса стать не старой девой, а кем-то другим. И встретить мужчину, для которого она будет желанной.

Она лежала одна, темноту размывал слабый серый рассвет, на глаза наворачивались слезы. Но позволить себе от души расплакаться она боялась — боялась по двум причинам. Во-первых, от рыданий может снова заболеть сердце. Накануне вечером, сразу же после того, как она легла в постель, у нее был приступ, причем сильнее всех предыдущих. А во-вторых, она боялась, что за завтраком мать заметит ее красные глаза и привяжется с расспросами, как докучливый комар.

«Предположим, — подумала Валенсия с мрачной ухмылкой, — я отвечу ей чистую правду: я плачу, потому что не могу выйти замуж. И она придет в ужас... впрочем, ей не привыкать, ей и так каждый день стыдно за дочь — старую деву».

Однако приличия, разумеется, должно соблюдать. «Думать о *мужчинах*, — Валенсия как наяву слышала жесткий командный голос матери, — для девушки *недопустимо*».

Представив выражение на лице родительницы, Валенсия рассмеялась, потому что обла-

дала чувством юмора, о чем в их семейном клане даже не догадывались. Равно как не догадывались и о многих других вещах, касающихся Валенсии. Смех, впрочем, быстро угас. Свернувшись в кровати клубком, Валенсия слушала, как за окном хлещет дождь, и со жгучей неприязнью наблюдала, как в ее убогую безобразную комнату пробивается холодный безжалостный свет.

Эту уродливую комнату она знала как свои пять пальцев — знала и ненавидела. Желтый крашеный пол, у кровати вязанный крючком коврик с карикатурной собакой, чей вязанный крючком оскал встречается ее каждое утро; выцветшие бордовые обои; на потолке трещины и пятна от старых протечек; узкий неудобный умывальник; хлопчатобумажные занавески, коричневые в красных розах; на шатающемся туалетном столике тусклое зеркало с крапом от поврежденной амальгамы и трещиной в центре; банка с ископаемыми ароматическими саше, которые мать сделала в ее мифический медовый месяц; оклеенная ракушками шкатулка с одним отбившимся углом, сделанная кузиной Стиклс в ее столь же мифической юности; бисерная игольница с наполовину осыпавшейся бахромой; жесткий желтый стул; мрачное лицо прабабушки Стирлинг в обрамлении букв, вышитых нитками, которые когда-то были разноцветными: «навсегда в наших сердцах»; старые фото древних родственников, сосланные сюда из нижних комнат. И только две картины,

не имеющие отношения к родне. Старая литография, изображающая щенка, который сидит под дождем у запертой двери. При взгляде на нее Валенсии всегда становилось грустно. Всеми брошенный пес, дрожащий под проливным дождем! Почему же *никто* не может открыть дверь и впустить его в дом? Вторую картину — блеклую гравюру с паспарту, изображающую спускающуюся по лестнице королеву Луизу, Валенсии великодушно подарила тетушка Веллингтон на десятый день рождения. Девятнадцать лет Валенсия смотрела на эту красивую, надменную, самодовольную королеву Луизу — и ненавидела ее. Но выбросить или хотя бы убрать картину Валенсия так и не решилась. Мать и кузина Стиклс пришли бы в ужас или, как мысленно выразилась Валенсия, просто озверели.

Уродливым, разумеется, был весь дом целиком. Но внизу старались соблюдать хоть какое-то благообразие, а на помещения, которые никто из посторонних не видел, средств не оставалось. Иногда Валенсии казалось, что если бы ей позволили, она бы сама обустроила свою комнату получше, и даже без денег. Но все ее скромные попытки мать пресекала, а Валенсия не настаивала. Боялась. Мать не выносила возражений. Когда ее что-то задевало, она принимала вид оскорбленной герцогини и неделями дулась. В собственной комнате Валенсии нравилось только то, что ночью она могла оставаться здесь одна и плакать, если ей того хотелось.

Впрочем, уродливая обстановка не так уж и важна, если в помещении только спать и переодеваться. Исключительно для этого Валенсии и позволялось оставаться у себя одной. Миссис Фредрик Стирлинг и кузина Стиклс полагали, что к одиночеству человек может стремиться исключительно из каких-либо дурных побуждений. Но у Валенсии была еще одна комната — в Голубом замке, и вот она-то была именно такой, как надо.

В реальном мире робкая, запуганная, покорная и бесправная, Валенсия в мире грез давала себе полную волю. О чем в разветвленном клане Стирлингов не подозревал никто, и уж точно не ее мать и кузина Стиклс. Они так никогда и не узнали, что у Валенсии было два дома: безобразная коробка из красного кирпича на Вязовой улице и Голубой замок в Испании. Сколько Валенсия себя помнила, ее воображаемая жизнь протекала именно там. То, что у нее есть собственный замок, она узнала в самом раннем детстве. Закрывая глаза, она явственно видела свои владения: башни и флаги, поросший соснами горный склон, укутанный легкой голубоватой вуалью, закатное небо волшебной неведомой страны. Всё в этом замке было восхитительным и прекрасным. Драгоценности, достойные королев; одеяния из лунного света и огня; ложе из золота, устланное лепестками роз; бесконечные лестницы, украшенные великолепными белыми вазами; стройные девы

в сотканных из тумана одеждах, шествующие по пологим ступеням вниз или вверх; искрящиеся фонтаны во дворах с мраморными колоннами, где на ветвях мирта поют соловьи; залы с зеркалами, в которых отражаются доблестные рыцари и красивые дамы, из которых сама она всех прекрасней, и от одного ее взгляда мужчины умирают. В будничной скуке ее поддерживала только надежда на ночной вояж в страну грез. Многие или, пожалуй, даже все Стирлинги умерли бы от ужаса, узнай они хотя бы половину того, чем Валенсия занималась в своем Голубом замке.

Для начала у нее там были возлюбленные, причем немало. То есть не одновременно, а по одному. Каждый ухаживал за ней со всем пылом эпохи романтических рыцарей, завоевывал ее после длительного поклонения, совершал ради нее множество подвигов и торжественно вел под венец в величественную, увешанную знаменами Голубую часовню.

В двенадцать лет это был светловолосый златокудрый юноша с небесно-голубыми глазами. В пятнадцать он превратился в высокого бледного брюнета, но по-прежнему оставался красавцем. В двадцать он был сдержан, мечтателен и духовен. В двадцать пять у него появились волевой подбородок и легкая угрюмость, а лицо казалось скорее мужественным и сильным, а не красивым. В двадцать пять лет взрослеть у себя в замке Валенсия прекратила, но недавно, совсем недавно,

волосы героя вдруг стали золотисто-рыжими, а на губах заиграла усмешка, намекающая на загадочное прошлое.

Нет, вырастая из возлюбленных, Валенсия намеренно их не умерщвляла. При появлении следующего предыдущий просто исчезал. В этом плане все голубые замки устроены довольно удобно.

Но в то роковое утро ключ от Голубого замка Валенсия потеряла. Реальность сжала ее, как в тисках, вцепилась и не отпускала, словно злобная собачонка. Ей двадцать девять, она одинокая, никому не нужная дурнушка, единственная малопривлекательная девица в семействе, где все как на подбор красивы, и ни прошлого, ни будущего у нее нет. Вся ее жизнь, сколько ни оглядывайся назад, выглядит беспробудно серой, без единого алого или пурпурного проблеска. И сколько ни смотри вперед, это никогда не изменится, пока сама она не превратится в скукоженный листок, цепляющийся за зимнюю ветку. Миг, когда женщина осознает, что ее жизнь бессмысленна, что в ней нет ни любви, ни долга, ни цели, ни надежды, — этот миг горек, как сама смерть.

«Но придется жить дальше, потому что остановить это не в моей власти. Я могу дожить до восьмидесяти лет. — При этой мысли Валенсия ужаснулась. — Мы же все жуткие долгожители. Когда я об этом вспоминаю, меня начинает мутить».

Дождю она была рада, вернее, она испытывала нечто вроде мрачного удовлетворения. Сегодня

пикника не будет. Не состоится ежегодный пикник, на котором тетушка и дядюшка Веллингтон (упоминаемые исключительно в такой последовательности) всегда отмечают годовщину своей помолвки, которая случилась на пикнике тридцать лет назад, а в последние годы превратилась для Валенсии в сущий кошмар. По иронии судьбы, это памятное событие совпадало с днем ее рождения, и с тех пор, как ей исполнилось двадцать пять, забыть о нем ей не позволяли.

Люто ненавидя эти пикники, Валенсия даже подумать не могла о том, чтобы отказаться и не пойти. В ее характере, видимо, не было ничего бунтарского. А еще она наперед знала, что и от кого услышит в свой адрес. Дядюшка Веллингтон, кого она не любила и презирала, хотя именно он достиг предела мечтаний всех Стирлингов — женился на деньгах, взвизгнет: «Ну-с, дорогая, собралась наконец замуж?» — и разразится гоготом, которым всегда завершает свои беспроблемно скучные замечания. Тетушка Веллингтон, вызывавшая у Валенсии благоговейный трепет, расскажет о новом шифоновом платье Оливии и том, что Сесил прислал очередное письмо с признанием в любви. Чтобы тетушка Веллингтон не обиделась, слушать ее Валенсия будет с интересом и удовольствием, словно речь о ее собственном платье и ее поклоннике. Она давно решила, что скорее оскорбит Бога, чем тетушку Веллинг-

тон, потому что Бог простит, а тетушка Веллингтон никогда.

Необъятно тучная тетушка Альберта (с трогательной привычкой говорить о своем муже «он», словно «он» — единственное во всём мире существо мужского пола), ни на миг не забывающая, что когда-то сама она была ослепительной красавицей, посочувствует Валенсии из-за желтоватой кожи: «Не понимаю, почему нынешние девушки так любят загар. Когда я была молодой, мое лицо было как розовые лепестки в сливках. Да, милая, меня считали самой хорошенькой девушкой во всей Канаде».

Дядюшка Герберт либо промолчит, либо добродушно воскликнет: «Что-то ты, наша крошка Досс очень растолстела!» И всех страшно развеселит уморительнейшая идея, будто их худосочная бедняжка Досс способна растолстеть. Элегантный и церемонный дядюшка Джеймс, которого Валенсия недолюбливала, но уважала, потому что он считался очень умным и в небогатом на интеллектуалов клане Стирлингов занимал место оракула, скорее всего, спросит со своим совиным сарказмом, который, собственно, и обеспечил ему его репутацию: «Полагаю, ты уже готовишь приданое?»

А дядюшка Бенджамин задаст какую-нибудь из своих мерзких загадок, на которую сам же ответит под аккомпанемент хриплых смешков: «Какая разница между крошкой Досс и мышкой? Мышка мечтает о сыре, а крошка Досс — о сэре!»

Эту загадку Валенсия слышала от него с полсотни раз, и ей всегда очень хотелось чем-нибудь в него запустить. Но она этого не делала. Во-первых, потому что Стирлинги в принципе не разбрасывают вещи, а во-вторых, потому что дядюшка Бенджамин был состоятельным и бездетным старым вдовцом, и Валенсию воспитали в почтительном страхе перед его деньгами. Он же может рассердиться и вычеркнуть ее из завещания, если, конечно, предположить, что он вообще ее туда включил. Быть вычеркнутой из завещания дядюшки Бенджамина Валенсии не хотелось. Она с рождения была бедна и хорошо знала, как это унижительно и горько. Поэтому она терпела все его загадки и даже заставляла себя натянуто улыбаться в ответ.

Тетушка Изабель, сокрушительно прямолинейная, как восточный ветер, ее раскритикует — предугадать, как именно, Валенсия пока не могла, потому что тетушка Изабель не повторялась и каждый раз колола новой шпилькой. Она гордилась тем, что всегда говорит то, что думает, но не испытывала особой радости, если *другие* говорили то, что думают *ей*. Валенсия никогда не говорила то, что думает. Кузина Джорджиана, названная в честь своей прапрабабушки, которую в свою очередь называли в честь Георга IV, скорбно перечислит имена всех скончавшихся за год друзей и родственников, после чего задумается «кто следующий».

Невыносимо компетентная во всех областях тетушка Милдред будет не останавливаясь рассказывать Валенсии о своем муже и их противных отпрысках-вундеркиндах, потому что никто, кроме Валенсии, терпеть эти ее речи не в состоянии. По этой же причине кузина Глэдис (точнее, двоюродная племянница, если соблюдать строгую генеалогию Стирлингов), высокая худая особа с чувствительным, по ее собственным словам, характером, будет детально живописать мучения, которые доставляет ей ее неврит. А Оливия, жемчужина всего клана, у которой есть всё, чего нет у Валенсии: красота, популярность, любовь, — Оливия будет демонстрировать красоту и предъявлять бриллиантовые доказательства популярности, от блеска которых завистливые глаза Валенсии должны ослепнуть.

Ничего этого сегодня не будет. И ей не придется упаковывать чайные ложки. За их упаковку всегда отвечали Валенсия и кузина Стиклс. Как-то, шесть лет назад, одна серебряная ложечка из свадебного сервиза тетушки Веллингтон потерялась. С тех пор она сидела в памяти Валенсии занозой. Ее призрак появлялся на каждом семейном пиру, как Банко в «Макбете».

О да, Валенсия точно знала, каким был бы этот пикник, и благословляла дождь за избавление. Пикник в этом году отменяется. Если тетушка Веллингтон не может отпраздновать памятное событие строго в его священный день, она его

вообще не отмечает. За что огромное спасибо всем неведомым богам.

Поскольку пикник не состоится, Валенсия решила, что днем, если дождь прекратится, сходит в библиотеку за новой книжкой Джона Фостера. Читать романы ей запрещали, но Джон Фостер писал не романы, а «книги о природе», о чем миссис Фредрик Стирлин узнала от библиотекарши: «Там только о лесах, птицах, букашках и тому подобном, словом, вы понимаете». Поэтому эти книги Валенсии читать разрешили, хоть и не сразу, потому что было слишком заметно, что они ей очень нравятся. Позволительным и даже похвальным было чтение ради развития ума и укрепления веры, а книга, которая доставляет удовольствие, считалась опасной. Валенсия не понимала, насколько книги Джона Фостера развили ее ум, но смутно догадывалась, что попадись они ей раньше, вся ее жизнь сложилась бы иначе. Джон Фостер как будто приподнимал завесу над миром, куда когда-то она могла войти, но сейчас все двери туда для нее закрылись. В библиотеке Дирвуда этот автор появился только год назад, но библиотекарша сказала, что он популярен уже несколько лет.

— Где он живет? — спросила Валенсия.

— Этого никто не знает. Судя по книгам, канадец, но о нем ничего неизвестно. И издатели молчат. Джон Фостер — вероятно, псевдоним. Его книги так востребованы, что у нас на них очередь,

хотя, честно говоря, я не понимаю, что в них такого особенного, от чего все поголовно сходят с ума.

— По-моему, они прекрасны, — робко заметила Валенсия.

— Ну и замечательно, — снисходительно улыбнулась мисс Кларксон, стерев мнение Валенсии подчистую. — Лично меня букашки интересуют мало, но этот Фостер, без сомнения, знает о них всё.

Валенсия тоже не была уверена, что ее интересуют собственно букашки. В книгах Джона Фостера привлекало некое непостижимое знание жизни диких зверей и насекомых. Она не могла толком объяснить, в чем это выражалось — в дразнящем магните нераскрытой тайны, в намеках на главный секрет, который читатель вот-вот разгадает сам, в слабом, едва уловимом эхе чего-то забытого — магия Джона Фостера описанию не поддавалась. Да, нужно обязательно сходить за его новой книгой. «Урожай чертополоха» прочитан месяц назад, так что мать возражать не станет. Валенсия перечитала книгу четыре раза и многие страницы выучила наизусть.

А еще она практически решилась обратиться к доктору Тренту с этими странными, участвовавшими в последнее время болями где-то у сердца. Ее очень беспокоило осязаемое сердцебиение, не говоря уж о моментах внезапного головокружения, от которого становилось трудно дышать. Но неужели она сможет пойти к доктору, никому об этом